

Игорь Муханов

Песни Уймонской долины

1. Песня беременной женщины своему ребёнку

*Женщина с двумя сердцами,
плывущая по морю воспоминаний...*

Ступай тихонько, мой мальчик,
по крыльям птиц разноцветных,
в горах уснувших без плача,
скалой укрытых от ветра.
По родникам золотистым,
шептать умеющим громко
о том, как звенят мониста
внизу, в селении горном.
По белой росе, по камню,
по тёмным ночным стрекозам,
поющим крыльями «амен»
под утро горным морозам.
По снегу в пятнах лазури,
укутавшему вершины,
по косточкам белой бури,
спустившейся к нам в долину.
По лунному свету, ярче,
чем перья птицы Гаруды,
спускайся в наш мир, иначе
как жить без тебя я буду?
Качаются в небе мачты —
уколы моих бессонниц...
Спускайся в наш мир, мой мальчик,
под звуки хрустальных звонниц!

2. Девушка из Уймона

Осень ждала Долина,
пахли дожди лимоном.
Даль ночную поила
девушка из Уймона.
Ключья брала тумана,
мяла в ладони узкой,
словно готовя манну
людям и трясогузкам.

Скрип у колодца слышен,
плеск воды и объятья.
Это пришли напиться
вишни в лиловых платях.

— Девушка, дай нам Слово,
которым малые дети
украсить рога коровы
мечтают в память о лете!

Дай нам Зелёный Ветер,
рыскающий повсюду.
В списках ночного света
числится он как чудо!
Если отдашь и сердце,
облик вернёшь далёкий:
будешь в пруду смотреться
яблоней краснощёкой!

Девушка смотрит в поле —
видит коров и травы,
лошадь у водопоя,
берег Катуня правый.
Девушка дарит вишням
сердце своё ночное.
Воздух покоем дышит,
сказкою и луною.

3. Зелёный бык

Я к чудесам земным привык
и ледники пою Алтая.
Но вот и он — зелёный бык —
идёт и головой мотает.
Его зелёные рога
полны задумчивости камня,
и чешет голову быка
осока влажными руками.

Среди ухоженных коров
он — как алтайская сиротка:
и бабочкам весёлым — кров,
и заводи широкой — лодка.
Зелёный бык? Таков удел
деревьев в лунном окружье!
Округу пачкает, как мел,
тумана лёгкое движенье.

А ночь без лодок и сетей
вернуть готовится обратно
пропавших без вести детей,
кто утонул в реке когда-то.
Они земную благодать
вдохнут и улыбнутся лету.
И бык зелёный их катать
охотно будет до рассвета.

4. Катунь, протекающей возле Замульты

(утренняя записка)

Ты горы обегаешь ловко
у Замульты, моя Катунь,
и ты ещё не полукровка...
А гор весёлый штукатур
в берёзы красит и осины
твой стан прозрачный и осинный,
и воздух дышит в твой рукав—
проголодавшийся удав.
Кружись и смейся, Бога ради,
среди гор, как твой кумир Вивальди,
что птиц весенних перепеть
решил под старость, и медведь,
спустившись с ледников Белухи...
А впрочем, это только слухи!
И ты по гальке и камням
бежишь, сподобившись коням.
Сам хан Алтай ковшом луны,
твоей коснувшись глубины,
лобастых рыбин достаёт
и на дорогу их кладёт.
Авось достанутся Рассвету,
любимцу здешних повитух.
Ему, ему, по всем приметам,
похож на царскую карету,
горланит утренний петух!

5. В летний полдень

Танец красных поплавок—
словно гномы на ходулях,
полюбив восточный плов,
в гости к рыбам заглянули!
Леска тянется к лицу,
груз за нею волочится,
словно жалобу Творцу
пишет тень летящей птицы.
Воды в белых пузырьках—
это в ампулах больному
губка рыхлого песка
подаёт из гастронома.
На конце крючка—тоска,
красной повести чернила.
Бок живого червяка
мелюзга пошевелила.
Плеск воды отметил час
торжества для рыболова,
и улыбка родилась,
и блеснула фиксой новой.

6. Стрижи

О крыльев серебристые ножи!
На тонкие ломти разрезан воздух.
И стынет чай, и неба этажи
наполнил дым, мечтающий о звёздах.

Откуда он? Попробуй Расскажи
о вещих снах, о лыке и мочале!
Зимой—о белых выстрелах лыжни
в живое сердце северной печали.

Крик петуха несётся со двора,
гусятинные перебивая оры.
Стрижиная густая детвора
Гагарину сродни в полёте скором.

Наивен ив серебряный указ,
что лучше наблюдать из окон дома,
как в лютые ненастья дикобраз
летит по небу—рыжая солома.

Тут жизнь, и домовитые стрижи
перину перетряхивают лета.
Попробуй их указом отрешить
от ликованья, молодости, ветра!

7. Яблочные сны

Сентябрь—казак, Степашка Разин—
с утра победный сеет гам.
И—казни, казни, казни, казни
созревших яблок по садам!
Везут стеклянную посуду,
и сахар, жизни эликсир,
и медный чан, и ложек грудю...
Варенье—всякому кумир!
И на перронах станций дачных,
где остро пахнет шпал мазут,
звучит Огинский... Не иначе
в Москву Царь-яблоко везут!
И мы с тобою на Алтае,
зарывшись в сено на дворе,
живую повесть наболтаем
о жёлтой яблочной поре.
Из сундука достанем сбрую,
в свистульку дунем из сосны
и—дай нам Бог!—перезимуем,
вкусная яблочные сны.

8. На морозе свечу зажгу

Побросаю пожитки в сани,
на морозе свечу зажгу
и увижу: пророк Исая
улыбается сквозь пургу!
Электрическое, живое
в наших русских зимних лесах
то потрескивает, то воеет
вне таблиц, табелей и граф.
Комариная ли, камаринская—
всё просторное, всё горит
поутру, как усадьба графская,
как на дереве снегири.

Я и сам из лихого племени
новотроицких казаков,
что садилось за стол с пельменями,
посетив девичий альков.
Что мне ваши фейсбуки, лайки,
кабинетная ваша суть,
когда в памяти балалайки
до утра не дают уснуть?!
И летит ледяная пудра,
в даль отеческую маня,
и играет морозным утром
яркий луч на узде коня.

9. Монгольская степь

Здесь камыши к себе зовут
ночными криками: «Ты пойман!»
На пуговицы старых юрт
застёгнута речная пойма.
И солнце в красном шушуне,
сползая вниз, тоской собачьей
обдаст всю степь, как на войне,
и сетью в камышах рыбачит.
А ночью холод, словно змей,
вползёт в бессонницу монгола
и ну толкать его: «Скорей
коснись земли ногою голой!»
Вся степь — как звёздные часы
под наблюдением курганов:
живыми каплями росы
блестит, укрытая туманом.
На взлёте беркут прокричит
своё «и-чу!», и в звёзды канет,
и тень по травам волочит,
как побывавшую в капкане.

10. Бессонница

В доме спать ложась, отстегнули
груз житейский — луны ходули.
Отнесли их на сеновал,
чтобы каждый ходуль поспал.
Только слышат — в печи потухшей
то ли мышь шуршит, то ли души
убиенных в Афганистане
на мосол-локоток привстали.
Жизнь ночная — что звёзд сиянье,
что отстёгнутый человек
от земли, от её камлання
в понедельник, среду, в четверг.
Не успели уснуть — ходули
тут как тут... Крестись на восток!
За окошком звезду раздули,
словно крошечный утолёк.

11. Поэт в Багдаде

Слух, приятель, ветром даден
и на семь вершков могуч.
В старом тыквенном Багдаде
купишь мёда и сургуч.
Отнесёшь добычу в спальню
юной ласковой княжне,
чтоб живые, в кольцах, пальцы
не готовились к войне.

Тут эмаль, а там — кинжалы.
Ходят-бродят посреди
слуги в белом, слуги в алом,
и айран разлит в бадьи.
Вес становится условным,
ноги пляшут там и тут,
и серебряные волны
от кальяна в сад плывут.

«Принимай, княжна, с Алтая
шкуры соболя и лис!
Мы сыграли свадьбу в мае,
а в июле — развелись.
И теперь моя свобода,
что росла среди полей,
ищет всюду, ищет брода
к белой рученьке твоей!»

У Багдада соль на шее
проступает в жаркий день.
В опахалах хорошеет
и княжну целует тень.
Просыпаюсь под телегой.
Ни жены, ни дома нет.
Только утренняя нега,
только звание — поэт!

12. Сон быка

Ах, как трудно расставаться с летом...
Кто у дома, в зарослях пырея,
мастерит зелёную карету,
чтоб уехать в осень поскорее?
«Динь-динь-динь» — щебечет наковальня,
«тук-тук-тук» — играют молоточки.
Хороша, светла у лета спальня —
весь Алтай в сиреновой сорочке!
Ну а осень... сеять капли в землю
будет из серебряной посуды,
чтоб всходила на пригреве зелень
в октябре, не нужная по сути.
Белый бык, слегка голубоватый
от реки, под кожей текущей,
спит и видит светлые палаты,
городок, который в речку спущен.

Видит, как из улочки выходит
ход крестовый списанных трамваев—
мордою стеклянной в огороде
ищут электрическую сваю.
Не найти им, труженикам красным,
подворотню, из которой Каин
выходил, отрывгая квасом,
грабить быт купеческих окраин!
Сон уходит в лабиринты лета
и щекочет розовые губы.
Спутаны караты и кареты,
музыка души и душегубы.
И плывут ладьи с Тмутаракани
(путь царю Московии угоден),
песнею удачу заарканив,
воевать сибирские угодыя.

13. Парень в лияляой гимнастёрке

Даль дыханием сладким продута
четырёх азиатских ветров,
и встаёт одинокое утро
у казацких потухших костров.
Как подстреленный заяц, несётся
пук травы у палаток и служб.
Надо ехать. В тени у колодца
заблестел уползающий уж.
Прячет уши в колёса телеги
одинокий тушканчик, в себе
ощущая стремительность бега
и покорность хозяйке-судьбе.
Неужели тот парень в лияляой
боевой гимнастёрке своей—
это я в своей жизни бывалой,
что ушла из открытых дверей?
За горами алтайскими вяжет
лунный сумрак корзину тому,
кто уже никому не расскажет,
как отряд воевал Бухтарму.
Парень, парень, зачем на рассвете
небывалого нового дня
твоя почта в помятом конверте
догоняет и мучит меня?
Что я сделал тебе в ту эпоху,
что не сделал тебе, расскажи,
если ты укоряющим вздохом
атакуешь просторы души?
Гаснут в небе живые картины,
и мистический свет от луны
метит каплями желатина
неподвижные валуны.
И идут на разведку любовью
из далёкой Гражданской войны,
окружая моё изголовье,
спецотряды—опера страны.

14. Перекааты Кагуни

Цветная пыль, как радуга, повисла
над одиноким камнем и поёт.
Идя, как в бой, река не видит смысла
остановить запущенный завод.

С горы спустилась шустрою козою,
опасный спуск преодолев за день,
и падает избраницей рябою
в её струю раскидистая тень.

Перелететь бурлящую стихию
боится молчаливая пчела.
Перелетают новости плохие,
хорошие—глядят из-за угла.

Подводный ад среди зелени какой-то,
котёл, кипящий розовой водой!
Качается, как на пружинах койки,
и проплывает мимо сухостой.

Вода старухой кажется беззубой,
когда ворчит на отблески зари
и, ударяясь лбом о камень грубый,
обильные пускает пузыри.

Но зверь придёт, и радостно долдонит,
и в берег бьёт копытом молодым...

«Пей сколько хочешь, вот мои ладони,
в них небо голубиное и дым!
Тебе отдамся всей своей водою,
которую веками можно пить.
Айда со мной, шалуньей молодою,
широкую Сибирью колесить!»

15. Зимняя соната

За окном метель дымится,
словно в лютые морозы
на Алтай любви напиток
едут утром паровозы.

«Фиу-фиу»,— свищет ветер,
а по мне дорожным эхом:
«Как в сиреневой карете
в глубину горы проехать,
где услужливые феи
и в зелёных шляпах гномы
делят лучшие трофеи
из подземных гастрономов?»

Под окном моим метели
рельсы в сказку проложили.
Неужели захотели
пригласить на бал рептилий,
горных духов, эдельвейсы,
что цветут в горах в июле,
и меня, и даже рельсы
в мир, далёкий от лазури?

И бегут живые страхи
из меня, как из вулкана,
и метель свои рубахи
сушит в небе утром рано.
День голодными глазами
ищет кофе и печенья...
«Ладно, еду!»—в тёмной зале
огонёк зажжён решенья.

16. Творчество

Помнится, полями
думал я о службе,
думал тополями
и звездой в луже.
Образ собирался
в узел откровенья,
освещающая часа
лучшие мгновенья.
Думал я лесами,
горною вершиной,
к мысли не взывая,
но молясь о Сыне.
Как легко и просто,
не кончая курсы,
по рассветным звёздам
изучать искусство!
И, вращая в тему
лучшего дуэта,
выражать затею
дуновеньем света.

17. О чудесах, случающихся в Уймонской долине

Уймонской долиной еду,
вдыхая ночную свежесть.
Имею буханку хлеба,
да нечем её порезать!
Я нож позабыл в Харбине,
в старинных книгах военных,
в отказе моей любимой
алтайскою стать царевной.

Такого Алтай не помнит,
считай, со времён ойротов:
месяц в военной форме
шепчет любимой что-то.
Она вздыхает—Венера,
светило предков далёких!
Щекочет бедные нервы
буханка хлеба в котомке.

— Где нож раздобыть мне острый,—
спросил я месяц двурогий,—
чтоб запах почуять росный
любви и дальней дороги,

чтоб охала селезёнка
от вкуса ломтя и соли
и ветер сушил пелёнки
тумана в пшеничном поле?

Месяц мне не ответил,
лишь завернулся в тучу.
Сел на попутный ветер,
воином стал могучим.
Месяц раздумьем полон.
Зная, что хлеб—растенье,
выращенное с поклоном,
что-то своё затеял.

Месяц буханку хлеба
видит и голод чувствует.
Брызжет слюной по небу,
Чуйскому тракту и Чуе.
Месяц в дела земные
хочет войти железом...
Тени плода живые,
бродит туман по лесу.

Звонко стучат копыта
по золотым камням,
в море ночного света
плавают вдохновенье.
На перекрёстке неба
синим блеснув железом,
месяц буханку хлеба
ломтиками порезал.

18. Птичий язык

«Ярлынь-и-кир-ру»... Сколько раз
такое в небе повторится!
Язык желанием горазд
и вытянут в длину, как спица.

Привычный Азии язык,
явившийся на эту землю,
и солнца розовый кадык
его явление приемлет.

«Ярлынь-и-кир-ру»... Сколько раз
мне говорила это птица,
а я всё ждал: её рассказ
в живую песню превратится.

Переведён на языки
народов европейских будет.
И ножницами край реки
я резал вопреки минуте.

Сегодня степь с её теплом
и журавлиным перелётом
сказать готова ветерком
и дымкой утреннею что-то.

«Ярлынь-и-кир-ру»? «Кир-ру-лынь!» —
несётся на задворках лета.
И сладким запахом полынь
встречает своего поэта.

19. Всё ей — филармония, всё ей — птичья грамота...

Спелая черёмуха — значит, песню спела.
Сам язык свидетель чуда у ручья.
Музыкой становятся, песней оробелой
аромат цветения, ягода ничья.
Крупная, с оскоминой, ветру говорящая
что-то из Бетховена — выдох или вдох.
А порой из Моцарта песня настоящая —
с болтовнёю справится и заглушит чох.
С нотною линейкою обручилась ягода,
си бемолем светятся чёрные бока.
Всё ей — филармония, всё ей — птичья грамота...
С ежегодной верою смотрит в облака.

20. Приглашение побывать на Алтае

Мерцают сажей в печной трубе
чужие домыслы об Алтае.
Они, как мельники, на горбе
сухую воду в амбар таскают.

А в нашей розовой стороне
в лесной клубнике гогочут гуси,
и фляжка новая на ремне
блестит и солнце затмить не трусит.
И я иду, не задет иглой
задиры-ельника, по тропинке,
и птицы горные надо мной
поют покрытые снегом пики.
Ты хочешь знать, почему Алтай
глядит Казахстану в сухие очи
и скрипом мачтовым высота
судьбу иную ему пророчит?
Тогда приезжай в этот горный край!
Его лебединые переливы
тебе подарят таёжный рай,
богатый нужным адреналином.
Алтай — алтарь, и звучит комус,
над сладкой ягодой хорошея,
и солнце нитями жёлтых бус
с утра орлу украшает шею.
Приедешь — подумаем вместе, как жить,
чтоб в жилах текла бухтарминская сила,
и месяц свои золотые ножи
в ночи поднимал за Алтай и Россию.
Раздуем огонь в запоздалой печи,
по звёздам прочтём эпифанию чуда
и, как полагается, промолчим,
зачем мы явились сюда и откуда.